

ЗАМѢТКИ КАЗАКА

ОБЪ ОБМУНДИРОВАНИИ, ВООРУЖЕНИИ, СНАРЯЖЕНИИ

И ПОЛЕВОЙ СЛУЖБѢ КАЗАКОВЪ.

Если взвѣсить значеніе всѣхъ факторовъ, могущихъ повліять на дѣйствія пѣхоты въ будущихъ войнахъ, а именно: прибрѣтенную ею способность быстро зарываться въ землю и обносить себя земляными окопами, дальность выстрѣловъ изъ скорозаряжающихся ружей, а также дальность, силу и мѣткость артилерійскаго огня, — то невольно можно придти къ заключенію, что факторы эти даютъ значительное преимущество оборонѣ надъ нападеніемъ. Можно полагать, что въ будущемъ военныя дѣйствія зачастую будутъ состоять изъ ряда осадъ укрѣпленій быстро возводимыхъ на выбранныхъ для боя позиціяхъ, то есть примутъ характеръ медленный и упорный.

Въ виду такого предполагаемаго характера будущихъ войнъ, развитіе въ арміяхъ наступательнаго элемента представляется въ высшей степени важнымъ, причемъ значительную пользу могутъ принести большія массы удобоподвижной кавалеріи, направленной на фланги и въ тылъ непріятельской арміи и способныя изолировать укрѣпленныя позиціи. Подобныя тыльныя операціи кавалеріи особенно чувствительны при нынѣшней системѣ веденія войны, когда маневръ армій производится почти исключительно по желѣзнымъ дорогамъ: кавалерія, направленная въ глубь страны, на желѣзные пути, можетъ причинить столько бѣдъ, что поставитъ непріятеля въ критическое положеніе; она можетъ взрывать съ помощію динамита мосты, раздробить и растаскивать шпалы и рельсы; разрушать водокачальни; разбивать мобилизаціонныя депо; уничтожать магазины разныхъ запасовъ, захватывать казенныя суммы въ казначействахъ и банкахъ и брать реквизиціи съ городовъ; словомъ, распорядиться такъ же самостоятельно, какъ въ завоеванной странѣ, и на столько ее разстроить, что заставить, можетъ быть, отступить часть арміи.

Такъ дѣйствовали въ послѣднюю американскую войну южане, полная могучіе отряды, доходившіе иногда до 10,000 коней, въ тылъ

непріятельской арміи. Не смотря на малую населенность тѣхъ странъ, по которымъ они двигались, результаты операцій вполне соответствовали грандіозности замысловъ: два раза заставляли они армію северныхъ штатовъ отступить изъ окрестностей Ричмонда, и послѣдняя, не смотря на свою численность, тогда только достигла благотворныхъ результатовъ, когда организовала кавалерію, равносильную кавалеріи южанъ.

Наше отечество въ этомъ отношеніи находится въ исключительно выгодныхъ условіяхъ, такъ какъ и въ срединѣ своей европейской территоріи, и особенно на окраинахъ, оно имѣетъ несмѣтныя силы конницы въ лицѣ казачьихъ войскъ разныхъ наименованій, конногорскихъ полковъ и азійскихъ номадовъ, въ довершеніе почти ничего казнь не стоящихъ; въ состязаніе съ Россіей по этому отдѣлу организаціи едва ли можетъ вступить какое-либо государство.

Отсюда вытекаетъ естественный выводъ, что конница—наша сила и вѣрная пособница для облегченія упорной борьбы пѣхоты на заранѣе выбираемыхъ и укрѣпляемыхъ ею позиціяхъ; дѣйствіемъ массъ конныхъ полчищъ можно сломить упорство пѣхоты и сократить какъ время войны, такъ и количество жертвъ ею вызываемыхъ.

Смотря съ этой точки зрѣнія на возможность въ будущемъ подобнаго направленія военныхъ дѣйствій, придется прежде всего остановиться на казакахъ войска Донскаго, какъ ближайшаго запаса для образованія кавалерійскихъ массъ. Съ первымъ призывомъ къ мобилизаціи, донцы могутъ выставить, для самостоятельныхъ дѣйствій, пять казачьихъ дивизій, по четыре второочередныхъ полка въ каждой, и по истеченіи небольшого промежутка времени двинуть такое же число третьеочередныхъ полковъ.

Въ силу близости Войска Донскаго къ европейскимъ границамъ и способности его выставлятъ въ кратчайшій срокъ большія массы войскъ, является естественное желаніе познакомиться съ характеромъ его боевой подготовки, чтобы оцѣнить, на сколько способно оно выполнить предпологаемую въ будущемъ широкую задачу.

Прокомандовавъ въ послѣднюю турецкую войну бригадой первоочередныхъ казачьихъ полковъ, а по заключеніи перемирія и вплоть до демобилизаціи, то есть въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, дивизіей, составленной изъ второочередныхъ полковъ,—я успѣлъ практически ознакомиться со всѣми проявленіями военной жизни въ казачьихъ полкахъ двухъ первыхъ очередей; почему счелъ своимъ долгомъ подробно описать какъ хорошія, такъ и дурныя стороны, проявляющіяся въ ихъ организаціи и службѣ.

Изъ всего изложеннаго выше читатель усмотритъ, что описаніе это составлялось не въ осужденіе войску, а съ единственною цѣлію вызвать плодотворную полемику, которая, освѣтивъ служебный бытъ казаковъ истиннымъ свѣтомъ, можетъ повести къ двоякимъ результатамъ: или разсѣять мнѣнія, можетъ быть, подобно мнѣ, и другими лицами неправильно составленныя, или откроетъ существующія слабыя стороны и укажетъ на тѣ мѣры, которыя слѣдуетъ принять для ихъ исправленія.

При этомъ мною особенно широко разобранъ вопросъ о нравственномъ состояніи служащихъ казаковъ, какъ главнѣйшаго рычага для успѣха широкихъ кавалерійскихъ предпріятій.

Обмундированіе казаковъ.

Киверь. Головной уборъ казаковъ, въ настоящемъ его видѣ, не сохранилъ ни національнаго своего покроя, ни удобствъ съ нимъ сопряженныхъ. Начало свое киверь получилъ отъ южно-русской мягкой жерлашковой шапки, которую, смотря по погодѣ, можно было свободно надвигать на голову и спать въ ней на открытомъ воздухѣ въ холодныя ночи. Для устойчивости верхъ ея дѣлался уже низа. Такую форму шапка эта сохраняла еще въ царствованіе Екатерины II; современемъ стали ее расширять къ верху; проклеивать внутри кожу для сохраненія правильности формы; а для красоты ношенія на бекрень на столько сзюзили низъ, что она рѣшительно потеряла всѣ полезныя качества прежде ей принадлежавшія и превратилась, такъ сказать, въ головной уборъ, можетъ быть красивый съ вида, но не пригодный для употребленія его на войнѣ по слѣдующимъ причинамъ:

1) Едва удерживался на головѣ, сильно притягиваемымъ подбороднымъ ремнемъ, киверь легко сбивается съ головы тяжелымъ погоннымъ ремнемъ винтовки, когда послѣдняя снимается съ плеча; 2) не имѣетъ козырька для защиты лица и глазъ отъ яркихъ и палящихъ лучей солнца; 3) не даетъ удобствъ для ношенія въ ночное время, и наконецъ 4) въ ненастье нельзя его окутать башлыкомъ.

Принимая во вниманіе, что въ военное время служба казаковъ отправляется то на аванпостной цѣпи, то въ бою, то есть въ такихъ положеніяхъ, которыя требуютъ защиты для глазъ, я полагаю бы наилучшимъ оставить казакамъ однѣ фуражки съ козырькомъ, которыя для удобства ношенія и оборачиванія башлыкомъ должны имѣть сзуженный верхъ, на манеръ полицейскихъ; для красоты же ихъ можно шить изъ сукна алаго или голубаго цвѣта, столь любимыхъ казаками.

Такая шапка представитъ всѣ необходимыя выгоды для военнаго

времени и будетъ казакамъ обходиться дешевле настоящаго головнаго убора. Въ крайнемъ же случаѣ, по мнѣнію моему, слѣдуетъ допустить только мягкія мерлушковыя шапки съ узкимъ верхомъ, при которомъ центръ ея тяжести долженъ падать прямо на голову.

Чекмень. Полы чекменя на столько укорочены, что не закрываютъ задковъ шараваръ. Въ военное время, занимая аванпосты, казаки большую часть времени проводятъ на лошадахъ, почему такъ сильно протираютъ тѣ мѣста шараваръ, которыми соприкасаются къ сѣдлу, что нѣтъ возможности, при всей акуратности обойтись безъ заплатъ, часто отличающихся отъ цвѣта шараваръ за недостаткомъ на войнѣ подходящихъ суконъ. Для благообразія, а также для сбереженія теплоты тѣла, по мнѣнію моему, слѣдовало бы удлинить полы чекменей до размѣровъ прежней формы.

Шаравары. Въ тѣ времена, когда казаки носили куртки, верхъ шараваръ на столько удлинился, что закрывалъ половину груди; отчего часть живота столь плотно покрывалась сукномъ, что онъ въ гигиеническомъ отношеніи замѣнялъ широкіе турецкіе пояса, крайне необходимые для сбереженія здоровья людей во время расположенія ихъ на бивакахъ, а также на аванпостахъ. Со введеніемъ чекменей простые казаки изъ экономіи стали носить шаравары на учкурахъ; причемъ, для уменьшенія цѣны учкурни, стали шить изъ миткаля, матеріи крайне жидкой, непомѣрно уширяя ея размѣры. Такимъ образомъ со введеніемъ учкуровъ отъ продолжительной ѣзды шаравары осѣдаютъ; а какъ въ то же время чекмень болѣе или менѣе подымается къ верху, то не только талія, но и верхъ живота совершенно оголяются и дѣлаются доступными вліянію свѣжаго воздуха. Хотя каждый казакъ имѣетъ при себѣ теплый набрюшникъ, но онъ виситъ только на талии, почему спускается часто вмѣстѣ съ шараварами, оставляя верхъ живота непокрытымъ.

Въ послѣднее время стало проникать дурное обыкновение, особенно между писарями, урядниками и отчасти молодыми офицерами, на столько суживать покрой шараваръ, что они превращаются въ рейтузы и тѣмъ самымъ уничтожаютъ всѣ хорошія стороны покроя, выработаннаго жизнью: при продолжительныхъ переходахъ узкіе шаравары рвутся, а также, при высокой пригонкѣ казачьихъ стремянъ, затрудняется взлѣзаніе на сильно навьюченную по военному положенію лошадь.

По мнѣнію моему, слѣдуетъ шаравары шить прежнимъ покроємъ для ношенія на подтяжкахъ и непремѣнно утвержденной ширины.

Нѣтъ сомнѣнія, что отъ удлиненія шараваръ и полъ чекменя стоимость обмундированія замѣтно увеличится; но средство къ уде-

шелению можно найти въ измѣненіи цвѣта сукна мундирной пары; а именно шить ее изъ темнозеленаго артилерійскаго (1): синее сукно обходится несравненно дороже потому, что самая краска непрочна: сърѣзетъ по швамъ отъ употребленія и принимаетъ оттѣнки фіолетовый или бурый отъ непогоды; при одинаковыхъ достоинствахъ темносинее сукно дороже темнозеленаго.

Вѣсто кителей слѣдовало бы ввести гимнастическія рубашки: шитье кителя требуетъ опытной руки портнаго, рубашка же, скроенная полевнымъ закройщикомъ, по простотѣ своего покроя можетъ быть сшита самими казаками; кромѣ того, она во фронтѣ красивѣе, свободнѣе, почему и не такъ скоро рвется.

Сапоги. Походные сапоги шьются крѣпкими и красивыми, къ сжалѣнію однако не соразмѣрными съ величиною ногъ; причемъ узкіе надѣваются на босую ногу, а при широкихъ и въ лѣтнюю пору казаки оборачиваютъ свои ноги толстыми шерстяными портянками. Въ первомъ случаѣ сапогъ пропитывается отъ долгаго ношенія гнилостнымъ пѣтомъ; а при второмъ кожа ноги скоро изнѣживается; въ обоихъ же случаяхъ вредно дѣйствуетъ на здоровье при скученномъ расположеніи въ казармахъ и даже на бивакѣ въ палаткахъ. Въ жаркихъ поясахъ вредъ отъ подобнаго ношенія сапоговъ еще болѣе усиливается и способствуетъ распространенію тифозныхъ міазмовъ.

Независимо отъ правильнаго шитья сапоговъ, по мнѣнію моему, слѣдуетъ требовать отъ казаковъ и строго наблюдать, чтобы они запамятали по меньшей мѣрѣ тремя парами холщевыхъ и двумя парами шерстяныхъ портянокъ. Для красоты же фронта и единообразія въ обмундированіи слѣдовало бы установить одинаковую мѣру для голенищъ.

Бѣлье. При инспектированіи встрѣчалось, что нѣкоторые казаки имѣли всего по двѣ пары бѣлья. Въ тѣхъ же гигиеническихъ соображеніяхъ, по мнѣнію моему, слѣдуетъ требовать, чтобы казаки справляли по три пары бѣлья, которыя удобно укладываются во въюбахъ—въ подушкѣ и чемоданчикѣ.

Вооруженіе.

Пика послѣ винтовки составляетъ едва-ли не главный предметъ вооруженія казака, между тѣмъ далеко не удовлетворяетъ условіямъ, необходимымъ для наступательнаго оружія. Древяно большею частію дѣлается изъ сосны или ели—матеріала въ высшей степени хрупкаго; почему въ Добруджѣ не менѣе половины пикъ вновь сдѣланы были изъ находимаго подъ рукою на самомъ театрѣ войны матеріала

(1) По примѣру Забайкальскаго казачьяго войска.

и долгое время оставались бѣлыми за недостаткою черной краски. Хвойная порода вообще хрупка въ тонкихъ подѣлкахъ, на которыя употребляются молодые деревья, съ дряблою древесиною, и особенно ломка на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ гнѣздились сучья.

По мнѣнію моему, полки, служащія въ Польшѣ и мѣстахъ, пограничныхъ съ Галиціей, легко могутъ заводить пики изъ букового дерева, какія были заказаны казачимъ № 33-го полкомъ по распоряженію генералъ-маіора Кульгачева въ Люблинской губерніи: Для облегченія же тяжести, по крѣпости матеріала ихъ можно дѣлать нѣсколько тоньше нормальной величины. Полки же стоящія на сѣверѣ съ болшею пользою могутъ употреблять березу, весьма гонкую въ густыхъ лѣсонасажденіяхъ, если только не воспрепятствуетъ тяжесть этого дерева.

Желѣзные копыя мягки и скоро затупляются въ тѣхъ случаяхъ, когда, за неимѣніемъ заостренныхъ желѣзныхъ наконечниковъ на пяткахъ пикъ, приходится втыкать ихъ въ землю остріями копій.

По мнѣнію моему, копыя слѣдуетъ дѣлать изъ стали или по крайней мѣрѣ засталивать острія, и непремѣнно заводить слабо заостренные желѣзные наконечники на пяткахъ для загона пикъ въ землю при постановкѣ ихъ въ козлы.

Для прикрѣпленія же копыя къ пикѣ избѣгать употребленія проволоки, отъ которой она скоро распатывается, а привязывать ихъ кожаными ремешками, способными быть перетянутыми во всякое время.

Бердановскія винтовки сдѣлались любимымъ оружіемъ казаковъ, почему и содержатся ими въ отличномъ порядкѣ. Только въ нѣкоторыхъ частяхъ, для большаго сбереженія, въ стволы всаживаются втулки, отчего заведшаяся внутри ихъ сырость, не имѣя свободнаго прохода для своего испаренія, производитъ внутри стволовъ ржавчину.

Бъ сожалѣнію, винтовки эти имѣютъ одинъ существенный недостатокъ: относительно направленія ложи прикладъ мало изогнуть; почему отдача весьма сильна и послѣ долгой стрѣльбы производитъ ломоту въ туловищѣ.

По мнѣнію моему, слѣдуетъ при новыхъ заказахъ усиливать изгибъ приклада къ ложѣ, на манеръ магазинныхъ турецкихъ карабиновъ, которыхъ отдача почти не чувствительна: дальность же и сила удара пули можетъ поспорить съ нашей винтовкой.

Вообще, карабинъ этотъ относительно наружнаго вида проще, по конструкціи, удобнѣе заряжается и даетъ большее число выстрѣловъ въ извѣстный промежутокъ времени.

Шашка. Въ большей части шашекъ клинокъ изгибается по такой кривой линіи, при которой отвѣсъ при взмахѣ приходится въ точкѣ

расположенной вблизи рукоятки, вмѣсто заостреннаго конца, которымъ поражается тѣло, отчего сила удара сильно ослабѣваетъ. Недостатокъ этотъ, по мнѣнію моему, происходитъ отъ неправильнаго взаимнаго заключенія трехъ главныхъ частей шашки—рукоятки, загнутаго конца и основной части клинка, а также соотношенія ихъ тяжестей. Принимая во вниманіе навыкъ нашей кавалеріи поражать тѣло рубкою вмѣсто срѣзыванія, какъ это практикуется ловкою рукою азійскаго кавалериста, вооруженною хрупкимъ дамаскимъ клинкомъ,—я полагаю, что слѣдуетъ отвѣсъ клинка перенести къ концу на столько, чтобы онъ совпадалъ съ мѣстомъ наибольшаго изгиба клинка, отчего при ударѣ будетъ развиваться сила, соответствующая дѣйствию клинка.

Сабли, присвоенныя генераламъ казачьихъ войскъ (въ металлическихъ ножнахъ), неудобны по двумъ причинамъ: будучи спущены на длину портупейныхъ ремней, онѣ, при высокой казачьей посадкѣ, бьютъ по пахвамъ коней, мѣсту наиболее чувствительному, и беспокоятъ и безъ того бойкихъ и пугливыхъ, степныхъ лошадей; кромѣ того, издавая металлическій шумъ, вредны на аванпостахъ, особенно при ночной побѣркѣ цѣпи, почему полагалъ бы замѣнить ихъ шашками.

Снаряженіе.

Портупей. Не такъ давно шашки носились на плечевыхъ ремняхъ. Съ присвоеніемъ гвардейскимъ казачьимъ частямъ грудныхъ нашивокъ подобное ношеніе шашки оказалось неудобнымъ въ томъ отношеніи, что ремни марали или перетирали нашивки; почему и были имъ возвращены поясные портупей; а вмѣстѣ съ тѣмъ эту перемену въ формѣ ношенія шашекъ распространили и на армейскіе полки.

Характеръ нынѣшнихъ кавалерійскихъ движеній отличается быстротою и дальностью, такъ напр. 1-я бригада 1-й Донской казачьей дивизіи, подъ начальствомъ генераль-маіора Янова, вслѣдъ за переходомъ черезъ Дунай, сдѣлала, по кружной дорогѣ вслѣдствіе разлива рѣки отъ Мачина до Тульчи, въ однѣ сутки 115 верстъ. При такихъ усиленныхъ переходахъ шашки должны имѣть такую пригонку, при которой тяготили бы наименѣе всадника и способствовали бы наибольшему сбереженію ремней. Между тѣмъ при нынѣшнемъ способѣ ношенія шашекъ боковой шашечный ремень прикрѣпляется къ поясному только короткимъ дратвеннымъ швомъ; въ походѣ отъ продолжительнаго дѣйствія тяжести шашки боковые ремни обрываются, а поясные, ко вреду здоровья, по той же причинѣ сжимаютъ полость желудка. Особенно непрочны эти ремни на офицерскихъ портупеяхъ. Въ войскахъ турецкихъ и румынскихъ введены пояса вдвое шире противу нашихъ; въ настоящую же войну, по вы-

пеуказаннымъ неудобствамъ, почти всѣ казачьи офицеры передѣлали поясныя портупей на плечевые ременные кавказскаго образца. Недостатки пояса еще болѣе усиливаются при навѣшиваніи на него тяжелыхъ револьверовъ системы Вессена и дѣлаются положительно невыносимыми при дальнихъ набѣгахъ для лицъ, не пользующихся крѣпкимъ здоровьемъ. Ко всему этому нужно еще прибавить, что отъ тяжести тяжелаго револьвера, валко прикрѣпляемаго къ поясу, сильно протирается и самое платье. Въ мирное время недостатки подобной пригонки почти не замѣчаются, но дѣлаются весьма чувствительными во время войны, когда приходится рѣдко обезоруживаться. Почему я полагаю бы поясныя портупей замѣнить плечевыми по кавказскому образцу и дѣлать ихъ изъ узкаго, хорошо выдѣланнаго сыромятнаго ремня, съ металлическими гомбачками въ углахъ вязки. Револьверы же прикрѣплять къ стану особымъ пояснымъ ремнемъ, и на походѣ кромѣ того не бесполезно продѣвать узкій петлевой ремень черезъ верхъ оборотной стороны кабуры и потомъ ремень этотъ надѣвать черезъ лѣвое плечо; тогда оба оружія будутъ висѣть на влючицахъ, кости крѣпкой, освободятъ отъ давленія желудка, и носка ихъ будетъ устойчивая.

Патронныя коробки. Хотя форма ихъ и приспособленіе весьма удобны, но не будучи пропитаны дегтемъ, при частыхъ переходахъ отъ сырости къ сухости воздуха, и наоборотъ, такъ сильно сжуживаются, что какъ клещами снимаютъ вложенные въ коробку патроны, почему доставать ихъ оттуда весьма затруднительно. При инспекцированіи въ г. Меджидіэ въ прошедшую кампанію одной части № 17-го полка, попалась коробка столь ссохшаяся, что изъ нея сильный казакъ съ трудомъ могъ вынуть патроны. По мнѣнію моему, патронныя коробки слѣдуетъ строить изъ сыромятной кожи.

Резюмируя все вышеназложенное, нельзя не придти къ заключенію что обнаружившееся въ нынѣшнемъ столѣтіи стремленіе донскихъ казаковъ къ щегольству, рука объ руку съ экономіей, доведя ихъ обмундированіе, а отчасти и снаряженіе до формъ, не соответствующихъ военнымъ нуждамъ, вытекающимъ изъ тяжелыхъ и важныхъ боевыхъ ихъ обязанностей—быть въ одно и то же время аванпостными труженниками, соглядатаями и боевыми всадниками. Для выполнения этихъ обязанностей, которыя заставляютъ долгіе часы проводить на конѣ подъ припекомъ солнца, иногда ползать и лежать подолгу въ секретяхъ, требуется одежда свободная; настоящихъ же образцовъ обмундированіе и снаряженіе вынуждаетъ на театрѣ войны прибѣгать къ час

тытъ отступленіямъ, которыя въ 1-й Донской казачьей дивизіи проявились въ слѣдующемъ: кивера оставлены были въ Браиловъ; на фуражки пришиты козырьки; поясныя офицерскія портупеи были передѣланы на плечевыя; шаравары же представляли такой видъ, что въ городахъ желательно было ихъ видѣть покрытыми шинелями. Все это вмѣстѣ взятое заставляеть желать вернуться къ формамъ покроя стараго времени—одѣянію свободному и не стѣсняющему движеніе.

Палатки.

Палатки составляютъ человѣколюбивое введеніе нынѣшней войны: избавляютъ отъ необходимости портить дѣса и уничтожать соломенные скверды въ занятой странѣ для устройства шалашей; даютъ возможность имѣть подъ рукой достаточную защиту отъ дождя, вѣтровъ, холода, солнца и составляютъ весьма полезную покрывку шинели въ дождливое время, которою казаки постоянно и пользовались во время походовъ. Только для утилизованія ихъ съ послѣднею цѣлію слѣдовало бы прибавить нѣсколько лишнихъ пристежекъ; словомъ, пригнать ихъ складки по туловищу всадника.

Обозъ.

Обозъ значительно облегченъ противу прежнихъ образцовъ, и полки 1-й Донской казачьей дивизіи не испытывали особенныхъ неудобствъ для его перевозки, за исключеніемъ періода липкихъ грязей, которыми отличается южная почва въ дождливое время.

Хотя фуры для раненыхъ и сдѣланы весьма громоздкими, но едва ли можно уменьшить ихъ размѣры, въ виду тѣхъ цѣлей, къ которымъ онѣ предназначены.

Съ другой стороны, мнѣ кажется, трудно устроить такой обозъ, который удовлетворялъ бы главнымъ условіямъ—подвижности и вмѣстимости, на разныхъ театрахъ войны—европейскихъ, перерѣзанныхъ шоссейными дорогами, и азіятскихъ—бездорожныхъ.

Желательно только, чтобы обода колесъ дѣлались нѣсколько шире, иначе они должны прорѣзывать глубокія колеи, и затѣмъ, по мнѣнію моему, полагается недостаточно перевозочныхъ средствъ для офицеровъ: принимая во вниманіе, что казачьи полки постоянно дробятся на сотни, одна повозка, назначенная для офицеровъ дивизіона, стѣсняетъ ихъ хозяйственное положеніе.

Конская сбруя.

Всѣ принадлежности конскаго снаряженія были въ хорошемъ состояніи, вѣпки и цѣлесообразно устроены.

Только было бы желательно, если позволяет время, передъ выходомъ въ походъ старо-очередныхъ полковъ, чтобы ленчики заранѣе пригонялись по спинамъ лошадей, и приструги, какъ главный ремень, и мѣсть бы осматривались и дѣлались крѣпче.

Изъ придаточныхъ предметовъ, по мнѣнію моему, слѣдуетъ обратить вниманіе на коновязи, и заблаговременно во время мира разрѣшить важный для бивакированія и снаряженія вопросъ: что полезнѣе въ военное время, — приколы, которыми были снабжены полки 3-й Донской казачьей дивизіи, или коновязи, заведенныя въ 1-й Донской дивизіи?

Приколы имѣютъ то преимущество, что освобождаютъ полковыя обозы отъ такихъ громоздкихъ и тяжелыхъ предметовъ, каковы: толстыя веревки, колья и большіе молоты, заводимые для вбиванія въ землю объемистыхъ кольевъ; но, по мнѣнію моему, они должны имѣть за собою и важные недостатки: при неправильномъ прикрѣпленіи къ сѣдламъ, могутъ ранить лошадей или казаковъ своими желѣзными заостренными наконечниками; а главное, что на практикѣ въ нынѣшнюю войну не испытано, достаточно ли они устойчивы, чтобы на каждомъ грунтѣ удерживать на мѣстѣ сильныхъ и пугливыхъ степныхъ коней въ противномъ случаѣ, при сильномъ испугѣ, часто бывающемъ въ время бури, полкъ могутъ постигнуть большія несчастія.

Нагайка. Несомнѣнно, что ударъ нагайкой свади по стегнамъ лошади придаетъ ей бодрость и стремительность; но за то нагайка приноситъ и своего рода вредъ: неожиданные взмахи ею, особенно удары по груди и головѣ лошади, развиваютъ въ ней чувство страха, не замѣчаемое въ лошадяхъ регулярной кавалеріи: при малѣйшемъ неожиданномъ мельканіи какого нибудь предмета казачьи лошади бросаются въ стороны, вертятся и тѣмъ самымъ нарушаютъ правильность и спокойствіе въ движеніяхъ сомкнутого строя. Но этимъ еще не исчерпываются дурныя стороны употребленія нагаекъ. Въ то время, когда берутся пики на бедро или къ атакѣ, то есть когда всадникъ готовится къ движенію быстрымъ аллюромъ, онъ лишается всякихъ средствъ къ понужденію лошади ускоривать или поддерживать извѣстный аллюръ, потому что обѣ его руки заняты.

Хотя линейные казаки также употребляютъ нагайки, но они никогда не могутъ быть поставлены въ вышесказанное положеніе потому, что пикъ не имѣютъ; шашки же, по правиламъ кавалерійской службы, должны выхватываться изъ ноженъ во время атаки передъ глазами неприятеля.

Когда лошади въ тѣлахъ, не изнурены, описанный недостатокъ

или чувствуется; но на театрѣ войны часто приходится употреблять лошадей, истомленныхъ усиленными трудами. По мнѣнію моему, и армейскіе казачьи полки, по примѣру гвардейскихъ, должны быть выдѣлены шпорами, только безъ кружковъ, чтобы не путаться въ травѣ и не производить лишняго шума, въ казачьей службѣ положительно вреднаго, для чего полезно бы было имѣть имъ шпоры по образцу средневѣковыхъ, то есть съ загнутыми и нѣсколько сужеными концами.

Строчевыя лошади.

Въ войскѣ Донскомъ съ каждымъ годомъ коневодство видимо улучшается, и результаты его естественно отражаются и на строевыхъ въ полкахъ лошадяхъ; маштакватыя съ тупыми аллюрами перестали появляться; напротивъ того, онѣ выиграли въ ростѣ и сдѣлались горяче и пріемистѣе. Особено хороши были кони подъ казаками полковъ № 17-го, 22-го и 25-го.

Въ выносливости они также ничего не потеряли, что убѣдительно показала послѣдняя кампанія: послѣ суточного перехода въ 115 верстѣ, совершеннаго отрядомъ генераль-маіора Янова изъ Мачина въ Тульчу, достаточно имъ было одного дня отдыха, чтобы набраться прежней бодрости и свѣжести. Другой примѣръ жизнѣности силъ донскихъ лошадей еще болѣе разительнѣе. № 17-го казачій полкъ, находясь одинъ при пѣхотной колоннѣ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій, какъ-то: дробленія на части, конвоированія обозовъ, стоянки на аванпостахъ и далекихъ рекогносцировокъ, словомъ ряда усиленныхъ движеній, произведенныхъ почти безъ отдыха, на столько истомилъ и ослабилъ своихъ лошадей, что командиръ 14-го армейскаго корпуса приказалъ, по прибытіи этого полка на бивакъ при д. Махмудкюй, дать ему отдыхъ до совершенной поправки лошадей. По осмотрѣ начальникомъ дивизіи этого полка, произведенномъ на девятый день отъ начала отдыха, оказалось, что полкъ этотъ совершенно оправился и не уступалъ въ силѣ и энергіи коней прочимъ полкамъ дивизіи.

Долголѣтніе опыты показали, что отъ персидскихъ и арабскихъ производителей въ донскихъ табунахъ получаютъ самые счастливые приплоды; жеребцы же русскихъ упряжныхъ породъ, хотя и производить коней, пріятныхъ для глазъ по своимъ округленнымъ формамъ, во валахъ и скоропристающихъ. Правда, что приплодъ этотъ современемъ крѣпнетъ вслѣдствіе получаемаго степнаго воспитанія, или лучше сказать отсутствія всякаго конюшеннаго ухода, причѣмъ въ безплодные и снѣжныя годы переживаютъ только сильныя особи, отъ

которыхъ по тѣмъ же причинамъ зарождается затѣмъ порода коней еще болѣе крѣпкихъ и по типу приближающихся къ донскимъ; тѣмъ не менѣе, по мнѣнію моему, безцѣльно вводить въ табуны, по крайней мѣрѣ станичные, заводчиковъ такой породы, исчезновеніе типовъ которой желательно для всякаго истиннаго кавалериста.

Для усовершенствованія породъ лошадей предѣловъ не положено: поэтому было бы желательно, чтобы войско содѣйствовало къ дальнѣйшему преуспѣванію боеваго коневодства покупкою не только арабскихъ и персидскихъ заводчиковъ, но при своихъ средствахъ доставало бы и средне-азіатскихъ аргамаковъ, которые, по быстротѣ своего бѣга и неутомимости, могутъ считаться для казачьей службы лучшимъ типомъ, въ особенности отъ племени Теке. Свидѣтели хивинскаго похода утверждаютъ, что вслѣдствіе быстроты бѣга аргамаковъ ни одна наша кавалерійская часть не рѣшалась ихъ преслѣдовать съ цѣлію достиженія.

По мнѣнію моему, слѣдуетъ положить предѣлъ роста для казачьихъ лошадей: стремя казачьяго сѣдла пригоняется такъ высоко, что при полномъ походномъ вьюкѣ на лошади выше двухъ вершковъ съ трудомъ влѣзаютъ казаки средняго роста; кромѣ того, слишкомъ высокихъ коней трудно вгонять въ тѣла.

Уходъ за лошадьми весьма посредственный. Казаки проявляютъ мало привязанности къ своимъ лошадямъ: бьютъ ихъ чѣмъ ни попадетъ, и по груди, и по головѣ, отчего лошади трепещутъ передъ своимъ хозяиномъ и пугаются при одномъ его появленіи.

Такой неправильный взглядъ на воспитаніе одинаково вреденъ какъ въ военное, такъ и въ мирное время: въ первомъ случаѣ бивакъ полка представляется состоящимъ изъ лошадей, всегда готовыхъ вырваться отъ испуга при малѣйшемъ проявленіи незнакомыхъ для нихъ явленій; а во второмъ, потому, что дѣлаетъ беспокойными и порывистыми движенія отдѣльныхъ всадниковъ, болѣе или менѣе разстроивающія сомкнутость фронта.

Во второ-очередныхъ полкахъ 3-й Донской казачьей дивизіи, стоявшихъ въ Царствѣ Польскомъ, часто проглядывало у простыхъ казаковъ желаніе обдѣлать фуражомъ собственныхъ своихъ лошадей, чтобы на запасъ его, такимъ путемъ сбитый и проданный, накопить нѣсколько лишнихъ рублей для домашняго обихода.

Въ военное время подобное отношеніе казака къ лошади измѣняется; онъ начинаетъ ее цѣнить изъ сознанія, что отъ силы мускуловъ его лошади зависитъ не только успѣхъ службы, но и сохраненіе жизни, потому и хорошо кормить.

За то непривычнаго человека поражаетъ та ловкость и навыкъ, съ которыми казаки обращаются съ лошадыю: случалось часто видѣть, что небольшого роста казакъ, изученными приемами, безъ посторонней помощи, сваливаетъ на землю сильную лошадь и удерживаетъ ее въ этомъ положеніи; словомъ, обращается съ нею такъ же смѣло и свободно, какъ съ какимъ нибудь малорослымъ теленкомъ.

Ковка въ высшей степени неудовлетворительна и обнаруживаетъ юнѣйшее незнаніе устройства и жизни копыта и значенія правильной формы подковы; отчего въ казачьихъ полкахъ часто попадаютъ лошади съ неправильно искривленными копытами и застарѣлыми разсѣчинами.

Первый недостатокъ, по мнѣнію моему, легко можетъ быть предотвращенъ приличными внушеніями молодымъ казакамъ и наблюденіемъ за хорошимъ обращеніемъ съ лошадыю; а второй—посылкою для обученіяковки полковыхъ кузнецовъ въ центральныя кузницы округовъ, какъ это дѣлается въ Варшавскомъ военномъ округѣ, а также развитіемъ сознанія пользы отъ правильнойковки.

Стрелковые нижніе чины.

Хотя Положеніе 1874 года мало затронуло существенную сторону организаціи казачьихъ полковъ, потому что, за малымъ исключеніемъ, и безъ того всѣ казачьи сословія обязаны были военною службою, тѣмъ не менѣе, оно имѣло благодѣтельныя послѣдствія по другимъ началамъ, въ него вложеннымъ, а именно, точнымъ опредѣленіемъ сроковъ дѣйствительной службы и призывомъ къ ней въ мирное время только младшихъ возрастовъ.

Казаки старѣйшихъ возрастовъ, мало по малу, безъ возврата очищая поля, уносили съ собою стародавнія преданія, имѣвшія при хорящихъ сторонахъ и одну дурную, въ основаніяхъ развращающую молодежь, а именно: страсть къ спиртнымъ напиткамъ и поползновеніе къ наживѣ добычею. Последняя слабая сторона старослуживыхъ казаковъ происходила не столько отъ ихъ нравственнаго состоянія, какъ являлась продуктомъ исторической ихъ жизни—набѣговъ противу враговъ религіи, причемъ наибольшая масса добра ими захваченная служила вѣстникомъ развитія наибольшаго успѣха въ боевомъ дѣлѣ.

Молодые казаки, проведя юные свои годы подъ строгою родительскою ферилою, которою до сихъ поръ отличаются патріархальныя нравы донскихъ жителей, прибываютъ въ поля подготовленными къ безропотному послушанію и исполнительности, составляющимъ основы военной дисциплины. Затѣмъ, не будучи испорчены опытною житейскою

школою, и устраненные отъ вліянія словомъ и примѣромъ казаковъ стараго закала, они, по своему незнанію требованій полковой службы, готовы принять, какъ губка воду, съ полною впечатлительностью, свойственною молодости, тѣ совѣты, наставленія и требованія, которыя будутъ исходить отъ лица ими начальствующаго. Словомъ, по счастливому выраженію самихъ полковыхъ командировъ, представляются воскомъ, которому можно дать какую угодно форму.

Отсюда дѣлается понятнымъ, что новые первоочередные полки въ нравственномъ отношеніи въ рукахъ хорошихъ командировъ не оставляютъ желать ничего лучшаго: за то въ той же степени могутъ портиться, если ими начальствуютъ лица мало опытные, или недостойныя своего важнаго назначенія.

Въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ я служилъ и которыми командовалъ во время послѣдней войны, т. е., въ 1-й Донской казачьей дивизіи, всѣ полковые командиры отличались солидными и почтенными нравственными качествами, почему и явилась возможность принимать и выполнять съ первоочередными полками такія мѣры, которыя принесли большую пользу для службы 14-го армейскаго корпуса въ Добруджѣ и доставили доброе имя казакамъ 1-й Донской дивизіи.

Вскорѣ послѣ расположенія пѣхоты 14-го армейскаго корпуса вблизи Траянова вала, я былъ посланъ съ казаками 2-й бригады для остановки бѣгства и водворенія на мѣстахъ татаръ, цѣлымъ народомъ перекочевывавшихъ къ югу, изъ опасенія встрѣчи съ нашими войсками. При столкновеніи съ ними, вслѣдствіе стеченія благоприятныхъ обстоятельствъ, я успѣлъ оказать имъ услугу, такъ сильно на нихъ повліявшую, что они пріостановили свое переселеніе. Затѣмъ, видя кроткое и честное обращеніе съ ними всѣхъ казаковъ, они стали располагаться по деревнямъ, въ сосѣдствѣ съ занятой нами линіей аванпостной цѣпи, и скорѣ вступили въ тѣсную торговую связь—доставляли войскамъ фуражъ, скоть и овощи. Замѣчая безопасности жизни вблизи казаковъ, которые избавляли ихъ отъ гнета черкесовъ и баши-бузуковъ, татары болѣе отдаленныхъ деревень стали присылать стада своего скота въ сосѣднія къ намъ деревни, и безъ приувеличенія можно сказать, что передъ глазами аванпостовъ 2-й бригады плодородныя степи переполнены были богатымъ движимымъ имуществомъ: огромныя стада гонялись для пастбы по всѣмъ направленіямъ, а сундуки татаръ наполнялись массою звонкой монеты, отъ сбыта продуктовъ шести кавалерійскимъ полкамъ.

Связь съ татарами установилась постоянная и прочная: посылались въ ихъ деревни большіе и малые разѣзды, съ болѣе или менѣе мо-

людьми офицерами, и сотенные артельщики съ малыми партіями казаковъ, и никогда не обнаруживалось случая, чтобы казаки 2-й бригады польстились богатствомъ татаръ.

Добрыя эти отношенія сильно подѣйствовали на привязанность татаръ: за исключеніемъ жившпхъ около Базарджика, можно сказать, въ остальные татары перешли на нашу сторону; занявшіе же деревни сосѣднія съ аванпостами даже раздѣляли наши интересы: увѣдомляли о появленіи баши-бузуковъ въ районѣ нашего вліянія; передавали свѣдѣнія о числѣ и мѣстахъ расположенія египетскихъ войскъ; водили полки противъ непріятели и содѣйствовали его поражению, какъ, запримѣръ, № 17-го казачій полкъ въ дѣлѣ подь Мамуздами; перевозили полковыя тяжести и образовывали транспорты, содѣйствовавшіе въ періодъ грязей къ доставленію войскамъ 14-го армейскаго корпуса всего продовольствія отъ Траянова вала къ Базарджику.

Былъ примѣръ еще болѣе поразительный того благодѣтельнаго вліянія, который имѣла добрая нравственность казаковъ на успѣхъ нашихъ дѣлъ на театрѣ войны. Вскорѣ послѣ занятія Базарджика, я былъ командированъ съ № 17-мъ казачьимъ полкомъ къ крѣпости Силистріи для принятія ея отъ турокъ по заключеніи перемирія и управленія силистрійскимъ санджакомъ. При этомъ пять сотенъ расположились вокругъ крѣпости, отдѣлившись отъ 14-го корпуса на 90 верстъ, а одна сотня занимала почтовые посты между крѣпостію и г. Базарджикомъ; словомъ, весь полкъ вошелъ въ предѣлы силистрійскаго санджака, сплошь заселеннаго турками и органически связаннаго съ крѣпостію, которую въ это время занимали: 8,000 низама и 6,000 баши-бузуковъ. Хотя здравый смыслъ турокъ и заставлялъ ихъ относиться къ христіанамъ съ благоразумною сдержанностію, но безтактныя дѣйствія болгаръ ежедневно заставляли опасаться народнаго взрыва. Болгары-мстители образовали военныя дружины по образцу казачьихъ сотенъ; выбрали начальниковъ, которыхъ называли именами казачьихъ чиновъ—сотникамъ, есаулами и проч., и такими организованными шайками тревожили турокъ, не безъ искусства дѣлая на нихъ нападенія.

Здѣсь казаки своею разумною дѣятельностію принесли огромную пользу русскому дѣлу и сдержали готовившійся взрывъ негодованія у турокъ: по желанію послѣднихъ, отъ сотенъ отдѣлялись въ сосѣднія деревни мелкія партіи въ составѣ 2—3 казаковъ, которые принимали начальство надъ безоружными турками и вмѣстѣ съ ними дѣлали разбѣды отъ одной деревни къ другой и своимъ присутствіемъ и

распорядительностію устанавливали тишину и порядокъ среди мѣстнаго народонаселенія. Къ сожалѣнію, подобныя отношенія кончились плачевою катастрофою. Около половины февраля сотня болгаръ, имѣя въ составѣ своемъ болгаръ, переодѣтыхъ въ запѣ (полицейская турецкая стража, въ родѣ вновь учрежденныхъ у насъ урядниковъ по уѣздамъ), явилась въ одну изъ деревень съ грамотой, ложно составленной отъ имени силистрійскаго каймакама, и потребовала подводъ. Когда турки, не подозрѣвая обмана, собрались по приглашенію переодѣтыхъ болгаръ безоружными въ стадо, будто бы для расчетовъ, то болгары на нихъ напали подвергли жестокому обращенію и угнали свыше 1,000 головъ разнаго рода крупнаго скота. Тогда командиръ 3-й сотни, есаулъ Абрамовъ, къ счастью во-время извѣщенный, преслѣдуя ихъ темною ночью, нагналъ верстъ за 40 отъ мѣста побойща, произвелъ атаку на этихъ болгаръ-хищниковъ, захватилъ 30 чел. виновныхъ и отбилъ 700 штукъ рогатаго скота, которыхъ и возвратилъ по принадлежности. Послѣ этого несчастнаго событія болгары притихли. Такъ дѣйствовали какъ заки въ силу условій перемирія, которыми мы обязались охранять жизнь и имущество мусульманъ. Въ силу тѣхъ же условій турецкое правительство продолжало править санджакомъ вплоть до заключенія мира.

Турки были тронуты безпристрастіемъ, усердіемъ и безкорыстными дѣйствіями казаковъ. По приказанію варнинскаго вали (генералъ-губернатора) прибыла ко мнѣ депутація турокъ съ каймакомомъ во главе и принесла благодарность за оказанную имъ защиту, о чемъ мною было своевременно донесено командиру 14-го корпуса; а вслѣдъ за тѣмъ муширь турецкихъ войскъ. Фазлп-паша, командовавшій войсками, занятыми въ четыре восточныя крѣпости — Руцукъ, Силистрію, Варну и Шумлу, прислалъ изъ Шумлы благодарственную депешу съ такими заявленіями, которая до сихъ поръ хранится у меня. При оставленіи нами крѣпости, турки вновь поднесли благодарственное письмо за дружелюбное обращеніе и оказанную охрану ихъ жизни и имуществу. Письмо это также передано командиру корпуса.

Проступокъ, совершенный однимъ казакомъ, впрочемъ недоказанный лучше всего показалъ, какъ цѣнилась турками казачья служба. Въ д. Бююкъ-Кайнарджи жилъ почтенный старый турокъ Сулейманъ, которому я обѣщалъ нашу защиту, за покровительство, оказанное имъ болгарамъ во время войны. Къ сожалѣнію, въ день выступленія № 17-го полка въ г. Меджидіе Сулейманъ получилъ оскорбленіе отъ казака и пришелъ жаловаться на него каймакаму. Послѣдній, преслѣдуя практическое правосудіе, постановилъ такое рѣшеніе: «Ты знаешь, что казакъ

наши защитники, и на нихъ жалуешься; отправляйся, глупецъ, въ темноту», — и тутъ же привелъ въ исполненіе свое рѣшеніе. Когда дошли слухи о заключеніи Сулеймана, я предложилъ каймакаму не медля его выпустить, а изъ Меджидіа вытребовалъ казака для разслѣдованія и точныхъ ставокъ; но Сулейманъ былъ такъ напуганъ энергическимъ рѣшеніемъ каймакама, что бѣжалъ изъ санджака со всѣмъ семействомъ и его не могли нигдѣ найти. Казакъ былъ отпущенъ.

Что касается до болгаръ, то лучшіе изъ нихъ отнеслись съ должнымъ благоразуміемъ къ репрессивнымъ мѣрамъ, принятымъ казаками противу ихъ собратій, и обнаружили дружественное расположеніе, когда офицеры № 17-го полка стали своимъ жадованьемъ содѣйствовать устройству болгарской школы въ Силистріи. Симпатія ихъ къ казакамъ выразилась также въ благодарственномъ адресѣ, составленномъ за имя отряда, и въ поднесеніи мнѣ патента на званіе перваго гражданина города. Послѣдній документъ, по словамъ командира 14-го армейскаго корпуса, отосланъ былъ въ главный штабъ дѣйствующей арміи.

Все изложенное выше подтверждается приказомъ по 14-му армейскому корпусу, отданному 17-го марта 1878 г., за № 17-мъ, по случаю моего отъѣзда изъ дѣйствующей арміи, въ которомъ командиръ корпуса, свидѣтельствуя о существенной пользѣ, принесенной на службѣ во время войны, упоминаетъ, между прочимъ, что казаки, внушеннымъ къ себѣ довѣріемъ, приостановили всеобщее бѣгство татаръ, и благодаря такимъ же отношеніямъ приобрѣтена симпатія силистрійскаго народонаселенія, выразившаяся въ избраніи меня первымъ гражданиномъ и въ поднесеніи благодарственнаго адреса.

Конечно, подобные счастливые результаты только и могли быть достигнуты при содѣйствіи нравственныхъ и хорошо дисциплинированныхъ войскъ.

Во время послѣдней кампаніи мнѣ пришлось болѣе шести мѣсяцевъ провести или на аванпостахъ, или въ передовыхъ отрядахъ среди казаковъ. Изъ дня въ день слѣдя за ихъ жизнью на бивакахъ и службой въ походѣ и бою, я могу смѣло свидѣтельствовать о высокой нравственной сторонѣ полковъ 2-й бригады, безъ опасенія быть заподозреннымъ въ пристрастіи къ нимъ. На бивакахъ господствовалъ порядокъ и отношенія приличныя взаимно уважающихъ себя воиновъ: казаки иваче не обращаются другъ къ другу какъ съ мѣстоименіемъ «вы», бранныхъ словъ никогда не было мною слышно; а съ восходомъ и закатомъ солнца биваки эти среди степей Добруджи представляли трогательную картину: казаки поворачивались лицомъ къ востоку, становив-

лись на колѣни и приносили горячія молитвы Создателю. Въ то же время биваки эти представляли оживленную картину: казакъ въ одиночку задумчивъ и угрюмъ; среди же товарищей оживленъ и веселъ; поэтому въ каждую свободную минуту даже тяжелаго времени раздавались на бивакахъ пѣсни, смѣхъ и затѣвались игры.

Для полноты очерка нравственной стороны слѣдуетъ еще упомянуть о двухъ обстоятельствахъ: № 18-го казачій полкъ, отбивъ послѣ дѣла при Кацапкой свыше 10,000 головъ разнаго рода скота, съ полнымъ безкорыстіемъ возвратилъ его пострадавшимъ болгарамъ, за что командиръ полка, полковникъ Измайловъ, получилъ отъ болгаръ благодарственный адресъ, напечатанный въ газетахъ; во-вторыхъ, за всю кампанію, когда вмѣстѣ съ хорошими порывами возбуждаются и болѣе или менѣе дурныя страсти, въ четырехъ полкахъ дивизіи былъ только одинъ случай, что казаки были отданы подъ судъ; а именно: въ № 16-го полку, по настоянію командира его, полковника Слюсарева, передъ войною принявшаго этотъ полкъ.

Что же касается до нравственности полковъ второй очереди, вошедшихъ въ составъ 3-й Донской казачьей дивизіи, то хотя казаки заслужили благодарности за хорошую службу вообще и нравственную сторону въ особенности, выраженную въ приказѣ по Варшавскому военному округу отъ 26-го августа 1878 года, за № 144-мъ, тѣмъ не менѣе при сравненіи съ первоочередными убѣждаемся, что поведеніе ихъ далеко не достигаетъ до нравственной высоты полковъ этой очереди. Слова вѣтъ, что преобладающее большинство состоитъ изъ казаковъ хорошихъ, честныхъ, но попадаются много и дурныхъ, даже изъ разряда штрафованныхъ; почему нужно было употреблять усилія и принимать мѣры строгости, чтобы поставить ихъ въ одинаковое положеніе съ первыми.

Къ сему считаю не лишнимъ присовокупить, что не можетъ быть общаго масштаба для оцѣнки нравственности казаковъ и полковъ регулярныхъ потому, что казаки разбиваются часто на мелкія партіи, не имѣющія въ головѣ даже приказнаго, который могъ бы за ними слѣдить—какъ напримѣръ № 17-го полкъ подъ Силистріей и № 29-го полкъ почти въ продолженіе полукампаніи.—тогда какъ регулярныя полки (почти) постоянно служатъ на глазахъ своихъ начальниковъ, имѣющихъ возможность во-время направлять на истинный путь заблуждающихся.

Служба казановъ.

Въ служебной дѣятельности, на театрѣ войны, казаки отличались преимущественно холодною разсудительностію: она, какъ кажется, со-

ставляетъ отличительную черту ихъ характера. Къ этой можетъ быть особености ихъ духовныхъ качествъ слѣдуетъ отнести то обстоятельство, что они съ особеннымъ отличіемъ служатъ въ артилеріи и толково исполняютъ аванпостную свою службу.

Точность въ исполненіи даваемыхъ имъ порученій превышаетъ всякія похвалы, и о характерѣ ихъ дѣятельности можно сказать, что на дѣло не напрашиваются, но, какъ бы оно рисковано ни было, не только не отказываются, но выполняютъ его съ усердіемъ, находчивостію и снаровкой. Особенно поражаетъ способность ихъ ориентироваться, отыскивать тѣ мѣста и лица, куда посылаются, правильно оцѣнивать характеръ мѣстности и опредѣлять разстоянія.

Также достойны вниманія ихъ неутомимость и крѣпость сложенія. Были мѣсяцы весьма тяжелые для службы, а именно, послѣ нашихъ неудачъ подъ Плевной, въ періодъ отъ ухода съ линіи аванпостовъ № 29-го казачьяго полка и до прихода регулярныхъ, когда четыремъ полкамъ 1-й казачьей дивизіи приходилось оберегать пространство въ 60 верстъ—отъ Дуная до Чернаго моря, отъ 12-ти до 17-ти верстъ впереди главныхъ силъ, расположившихся вдоль Траянова вала; причѣмъ полки 2-й бригады были разбиты на три отряда, по четыре сотни въ каждомъ, и отъ каждаго высылались полторы сотни на аванпосты, а полу-сотнями содержалась внутренняя цѣпь; разъ или два въ день дѣлались ближніе разѣзды, и въ неопредѣленное время посылались въ дальніе; кромѣ того, ежедневно казаки ѣздили версты за четыре отъ своихъ биваковъ для кошенія травы. Казалось бы, что при такихъ трудахъ должны ослабѣть и люди, и лошади, но на дѣлѣ оказалось противное: благодаря изобилію продовольствія, въ людяхъ особенно чувствовался полный избытокъ силъ.

Хотя за сѣнокосеніе казакамъ и было отпущено казною денежное вознагражденіе, на которое они накупили себѣ бѣлья и заказали полушубки; по послѣдніе были доставлены только къ веснѣ; на зиму же пришлось имъ построить ваточныя довольно легкія теплушки. На бѣду зимеди ихъ до того понестерпѣсь, что получили видъ плетенокъ для рѣшетъ. Въ этихъ убогихъ нарядахъ, обдаваемые то дождемъ, то снѣгомъ, и пронизываемые вѣтромъ, казаки зябли на аванпостахъ и въ долгіе переходы; но сила мускуловъ и обычная имъ веселость никогда ихъ не покидали. На вопросъ: «не прозябли ли вы, ребята?» всегда получался одинъ и тотъ же шутливый отвѣтъ: «хорошо, свѣжо, ваше превосходительство!» Особенно поразила меня ихъ выносливость во время моего поиска на Мусабей, 18-го декабря, въ день перехода вашихъ войскъ черезъ Балзаны. Холодъ доходилъ до 18° мороза, а

снѣжная метель заволакивала горизонтъ. При такомъ холодѣ пришлось въ одинъ день сдѣлать 75 верстъ, и одну изъ сотенъ 17-го полка поставить на аванпосты. Едва заняла сотня свои мѣста, какъ отъ порывовъ вѣтра снѣгъ такъ закружился, что къ 11-ти часамъ вечера нельзя было найти пикетовъ, чтобы свести ихъ къ деревнѣ. На другой день сотня была найдена и, не смотря на такое испытаніе, изъ восьми сотенъ поморозилось всего восемь казаковъ.

Ту же мужественную твердость выказываютъ они въ страданіяхъ отъ ранъ. Сколько я ни видѣлъ раненыхъ казаковъ, никогда не замѣчалъ, чтобы они издавали стоны отъ боли ранъ или перевязокъ.

При движеніи колонны по открытымъ степнымъ мѣстамъ въ виду непріятеля, патрульная цѣпь, окружающая войска, отдалялась на такое разстояніе отъ колонны, что трудно ихъ было замѣтить простымъ глазомъ на горизонтѣ, такъ что лицу, непривычному къ подобнымъ порядкамъ обереженія, всегда казалось, что войска остаются безъ охраны.

Не было случая за всю кампанію, чтобы казаки съ аванпостовъ или съ патрульной цѣпи во время похода дали невѣрныя или преувеличенныя о непріятелѣ свѣдѣнія. Всѣ донесенія какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ отличались обстоятельностью и правдивостію.

Благородная черта славободія высказывалась иногда въ приносимыхъ жалобахъ простыми казаками своимъ ближайшимъ начальникамъ, что ихъ держать въ резервѣ, не пускаютъ въ бой и не даютъ возможности отличиться подобно другимъ сотнямъ; такая, между прочимъ, жалоба принесена была 1-й сотней 18-го полка, когда въ дѣлѣ при Чаиръ-Орманѣ ее поставили въ резервѣ.

Въ бою казаки выказываютъ больше наклонности къ единоборству, чѣмъ къ дѣйствию сплошнымъ фронтомъ по чужой инициативѣ. При всякомъ появленіи отдѣльныхъ непріятельскихъ партій является масса просителей, ищущихъ разрѣшенія столкнуться съ непріятелемъ; такъ, напримѣръ, послѣ дѣла подъ Меджидію, или при Татаркюй и къ концу поиска на Мангалію, гдѣ одиночные всадники своими ловкими дѣйствіями забрали въ плѣнь или поубивали почти всѣхъ показавшихся на горизонтѣ турецкихъ кавалеристовъ, и въ томъ числѣ въ первомъ дѣлѣ ихъ майора. Эти одиночныя схватки лучше всего характеризуютъ военный инстинктъ казаковъ: съ замѣчательною расторопностію заскакиваютъ они по балкамъ незамѣченными во флангъ и тылъ и всегда переделываютъ или перебиваютъ столкнувшихся съ ними враговъ.

Словомъ, въ нынѣшнюю кампанію казаки 2-й бригады, по примѣру своихъ отцовъ, были истиннымъ окомъ и ухомъ арміи.

Урядники, какъ выбранные изъ лучшихъ среди казаковъ, владѣютъ и всѣми ихъ качествами, только въ высшей мѣрѣ. Ихъ разсудительность, понятливость, исполнительность и соревнованіе не оставляютъ желать лучшаго. Къ сожалѣнію, полезная мѣра набора казаковъ въ полки изъ однѣхъ и тѣхъ же станицъ не даетъ вполнѣ развиться ихъ вліянію на простыхъ казаковъ, какъ они того вполнѣ заслуживаютъ: станичная жизнь переносится всецѣло въ полковую; письма поддерживаютъ постоянную связь между лицами, разрозненными только временно службою; такъ что о казакахъ, почему-либо полку непріятныхъ, не медля сообщается станичникамъ. Отсюда проистекаетъ тотъ гнетъ богатыхъ надъ бѣдными и на дѣйствительной службѣ, который они испытываютъ въ станицахъ; но какъ богатство не всегда составляетъ удѣлъ урядника, то они часто находятся въ экономической зависимости отъ тѣхъ міроѣдовъ, которые, не смотря на свое или отцовъ ихъ состояніе, или мѣстное вліяніе, пребываютъ въ рядахъ простыхъ казаковъ. Поэтому часто проявляется у урядниковъ желаніе прибѣгать при исполненіи ихъ служебныхъ обязанностей къ политическимъ приемамъ, вреднымъ для дѣла, и удерживать себя отъ развитія и примѣненія законовъ предоставленнаго имъ вліянія, изъ опасенія, чтобы, по возвращеніи со службы, не подвергнуться притѣсненіямъ по хозяйству.

Офицеры. Развиваясь среди семействъ, владѣющихъ болѣе или менѣе крупнымъ степнымъ хозяйствомъ, они съ раннихъ лѣтъ причащаются къ практической жизни. Помогая родителямъ по хозяйству, они предпринимаютъ поѣздки по степямъ, иногда на далекое разстояніе и часто верхомъ. Эти здоровыя занятія укрѣпляютъ ихъ силы физическія и ускоряютъ развитіе умственныхъ. Призванные на службу, казачьи офицеры на первыхъ же ступеняхъ іерархической лѣстницы обнаруживаютъ качества, необходимыя хорошему кавалерійскому офицеру, какъ-то: крѣпкое здоровье, хорошую ѣзду, основательное знакомство съ лошадыю, способность оріентироваться, неутомимость, а главное способность жить не только среди простой, но и суровой обстановки.

Всѣ эти качества присущи въ высшей степени казачьимъ офицерамъ, и къ нимъ нужно еще прибавить ту холодную разсудительность, которою отличаются простые казаки, и замѣчательное усердіе въ выполнении возлагаемыхъ на нихъ порученій. Меня не разъ удивляла способность офицеровъ въ туманѣ или ночное время, когда нельзя различать предметовъ и читать карты, приводить партіи казаковъ, не смотря на отдаленность, къ указанному мѣсту.

Въ бою и на аванпостахъ служили они съ достоинствомъ и отли-

чались нравственностію; особенно офицеры № 17-го казачьяго полка, обратившіе на себя своимъ усердіемъ вниманіе начальника дивизіи, отъ котораго и получали не разъ благодарность.

Приступая къ сравненію подготовки и службы офицеровъ старослуживыхъ съ молодыми, выпущенными изъ юнкерскихъ училищъ, нельзя не признать, что сравненіе это, относительно времени, весьма невыгодно для послѣднихъ: старые офицеры, чтобы подняться на настоящій уровень, прошли продолжительную и большую частію боевую практическую школу, тогда какъ молодые при этомъ сравненіи застигнуты были на первыхъ порахъ ихъ дѣятельности. Но знаніе есть сила; поэтому несомнѣнно, въ массѣ, молодые офицеры, начавъ свою службу съ тѣмъ запасомъ свѣдѣній, которыя они приобрѣли въ школахъ, въ скоромъ времени настигнуть и превзойдутъ многихъ изъ старослуживыхъ, большинство которыхъ само приобрѣтало настоящія ихъ знанія. Но и за старослужащими считаются несомнѣнныя достоинства: угрюмые съ виду, они въ то же время съ необыкновенною ласковостію и добродушіемъ наставляли молодыхъ и относительно снаряженій къ походу и относительно порядковъ несенія боевой службы; словомъ, были отличными руководителями и совѣтниками молодыхъ офицеровъ; кромѣ того, между ними попадалось много лихихъ наѣздниковъ, и они не гнушались подавать собою примѣръ въ воинственныхъ упражненіяхъ, какъ-то: въ скачкахъ съ препятствіями, стрѣльбѣ въ цѣль и проч.

Что же касается старослуживыхъ во второочередныхъ полкахъ 3-й казачьей дивизіи, то они, по непонятному для меня стеченію обстоятельствъ, стояли несравненно выше молодыхъ офицеровъ той же дивизіи, какъ въ нравственномъ, такъ и въ служебномъ отношеніяхъ, и вообще отличались солидными качествами. Мнѣ кажется, что произошло это отъ того, что командиры первоочередныхъ полковъ нашли предлоги для удержанія лучшихъ молодыхъ офицеровъ въ командуемыхъ ими полкахъ. Во всякомъ случаѣ, можно смѣло сказать, что войско Донское найдетъ полезную опору при мобилизаціи въ старослуживыхъ офицерахъ.

Со времени послѣдней американской войны, и для европейской кавалеріи пачался новый періодъ ея существованія: она стала отличаться тѣми свойствами, которыхъ не доставало въ кавалеріи старой организаціи, а именно: быстротою и дальностію передвиженій; смѣлостію боевыхъ дѣйствій и способностію къ развѣдкамъ и освѣщенію мѣстности; словомъ, сбросила свою средневѣковую малоподвижность и

приняла тѣ качества дикой кавалеріи, которыми отличались лучшіе азіатскіе наѣзтники.

Въ этомъ новомъ періодѣ ея существованія, мнѣ кажется, казачья воля могутъ получить еще большій кругъ дѣятельности. Дѣйствительно, сравнивая какъ боевой матеріалъ казаковъ съ остальными элементами комплекующими кавалерійскіе регулярные полки мы не можемъ не придти къ заключенію, что казаки сохранили больше типическихъ чертъ истиннаго кавалериста. Ни одинъ народъ изъ числа живущихъ въ европейской Россіи не отличается тою ловкостію обращенія съ лошадью и неутомимымъ наѣздничествомъ какъ казаки. Владѣя большими пространствами земли, и потому будучи болѣе обезпечены въ жизни, они имѣютъ и болѣе времени для своего умственного развитія, а также и капиталовъ для учрежденія школъ. Изобиліе земель позволяетъ въ то же время увеличивать и улучшать породу лошадей и безъ того способную для бойкой кавалерійской службы; словомъ, казаки владѣютъ всеми данными для образованія образцовыхъ кавалерійскихъ полковъ.

Смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, а также принимая во вниманіе, что съ замиреніемъ Кавказа безвозвратно исчезла для казаковъ боевая школа, а со временемъ ослабѣютъ и тѣ преданія, которыя съ колебелми приготовляли къ ихъ призванію, я полагаю, что было бы полезно искусственно возмѣстить пробѣлъ въ ихъ опытной боевой дѣятельности образованіемъ при станицахъ такихъ школъ, гдѣ готовящіеся къ званію урядниковъ пріобрѣтали бы тѣ познанія, которыя требуются для развѣдочной службы, какъ-то: чтеніе и черченіе плановъ, теоретическія свѣдѣнія о стрѣльбѣ; а главное знакомство съ духомъ и требованіемъ новой кавалерійской тактики; словомъ, чтобы выпускаемые отсюда ученики могли бы назваться *знатными кондукторами* для развѣдочной и вообще казачьей службы, и служили бы хорошими помощниками для офицеровъ генеральнаго штаба.

Обращаясь затѣмъ къ наброску будущей дѣятельности, желаемой для гг. офицеровъ, я долженъ коснуться болѣе широкаго кругозора, въ виду того, что лучшія интеллигентныя силы войска несутъ военную службу, а потому на нихъ, какъ на центры тяжести, сильнѣе вліяютъ бытовья стороны жизни.

Въ экономическомъ отношеніи мы замѣчаемъ, что войско съ каждымъ годомъ видимо бѣднѣетъ, вслѣдствіе причинъ чисто физическихъ: не смотря на благодарную почву, небо къ нему немилостиво—засухи продолжаются десятилѣтіями: отчего на памяти даже людей средняго возраста на поверхности земли произошли рѣзкія пе-

ремѣны къ худшему: р. Тузловъ, напримѣръ, проходящая по Мѣускому округу, жѣтъ 40 тому назадъ несла воды въ уровень съ своими берегами, наполнена была рыбою и имѣла топкія прибрежья, на которыхъ росъ камышъ. Теперь же по всему ея теченію замѣчается сухое каменистое ложе; такія же перемѣны произошли и съ другими небольшими рѣками этой территоріи. Вслѣдствіе этихъ засухъ земледѣліе не въ состояніи вынести расходовъ на него затрачиваемыхъ, почему падаетъ и разоряетъ землевладѣльцевъ. Естественно, что пришли годы, когда землевладѣльцы должны искать другихъ источниковъ для своего существованія, и источники эти поневожѣ стануть открываться въ скотоводствѣ и коневодствѣ, какъ это было въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Основанія этому новому порядку хозяйства какъ для пользы края, такъ и всей Россіи, заложены на Дону издавна въ широкихъ размѣрахъ—за Манычемъ пасутся безсчетныя табуны коней, хорошихъ породъ и съ большою примѣсью благородной крови. Такіе же цѣнныя табуны пасутся на войсковой землѣ, станичныхъ юртахъ и земляхъ частныхъ владѣльцевъ.

Все это заведено и поддерживается болѣе усердіемъ и нуждою, чѣмъ знаніемъ; опытомъ же въ этомъ дѣлѣ могутъ похвалиться немногіе старыя коннозаводчики, да и пріобрѣтается онъ слишкомъ большими жертвами. Поэтому желательно, чтобы въ самомъ центрѣ этого движимаго богатства создана была такая школа, гдѣ бы давались основательныя понятія о жизни лошадей и ихъ разведеніи. Заручившись такими знаніями, владѣльцы табуновъ и чиновники, своею дѣятельностію, въ короткое время съ лихвою вознаградили бы затраченный на школу капиталъ.

Обратимся теперь къ боевому быту.

Если сравнить уровни развитія простыхъ казаковъ и казачьихъ офицеровъ относительно той высоты, которая предназначена для каждаго изъ этихъ элементовъ, и въ сферѣ дѣятельности каждому изъ нихъ принадлежащей, то мы найдемъ, что уровень развитія казаковъ стоитъ ближе къ предѣльной линіи. Выводъ этотъ дѣлается не въ осужденіе казачьихъ офицеровъ, среди которыхъ находится много гимназистовъ, окончившихъ курсъ наукъ въ юнкерскомъ училищѣ—почему масса ихъ въ умственномъ развитіи не уступаетъ офицерамъ регулярной кавалеріи—а въ похвалу развитія простыхъ казаковъ. Налагаемая дисциплиной на массы простыхъ казаковъ замкнутость рѣчи не позволяетъ въ короткое время подмѣтить и оцѣнить всю степень развитости простыхъ казаковъ; но когда обстоятельства позволяютъ

познакомиться съ ними поближе, то невольно поражаешься ихъ широкимъ умственнымъ кругозоромъ, правильностью оцѣнки событій и лицъ, стремленію къ анализу, а потому и трезвости во взглядахъ. Чтобы овладѣть довѣріемъ подобной массы развитыхъ рядовыхъ и подчинить вполнѣ своему вліянію—нужно, чтобы начальствующіе ими офицеры прошли еще нѣсколько новыхъ стадій по пути наукъ и самообразованія.

Взвѣсивая вышеизложенныя обстоятельства, вытекающія изъ однихъ и тѣхъ источниковъ и особенностей быта страны, невольно пожелаешь, чтобы въ войскѣ Донскомъ устроено было если не высшее кавалерійское училище, то по крайней мѣрѣ прибавленъ 3-й классъ въ юнкерскомъ училищѣ, гдѣ бы молодые люди почерпали, кромѣ военныхъ знаній, и серьезныя свѣдѣнія по части гипнологіи, и соприкосновенныхъ съ нею наукъ и получали бы возможность изучать коневодство практически на казенныхъ заводахъ — рассадникахъ кровныхъ лошадей, почти прилетающихъ къ предѣламъ войска. Оба эти знанія идутъ рука объ руку и одинаково нужны для образованнаго кавалериста. вмѣстѣ съ тѣмъ, они благотѣльно подѣйствуютъ на бытъ не только войска, но и Россіи, потому что донскія лошади получили теперь такія правильныя формы, что изъ нихъ преимущественно составляются ремонты для регулярной кавалеріи. Въ нынѣшнюю войну войско поставило въ свой собственный казачій строй свыше 40,000 коней, и вообще, войско Донское выставляетъ вооруженныхъ всадниковъ, въ мирное время 25% относительно всей регулярной кавалеріи, а въ военное время вдвое противу всей массы всадниковъ регулярныхъ полковъ.

Еслибы изложенныя выше предположенія осуществились, то Россія имѣла бы лучшіе въ мірѣ полки гидовъ, и казачьи полки относительно регулярной кавалеріи, въ своей сферѣ дѣятельности, стали бы въ такое же положеніе, въ какомъ находятся стрѣлковые баталіоны относительно линейной пѣхоты; въ то же время служба казаковъ не пошла бы въ разрѣзъ съ общимъ характеромъ и требованіями кавалерійской службы: хотя всѣ роды кавалеріи изучаютъ общія правила движенія и дѣйствій, тѣмъ не менѣе существуетъ стремленіе къ развитію извѣстной спеціальности въ каждомъ родѣ, на примѣръ у драгунъ, преимущественно передъ другими, замѣтно стремленіе къ дѣйствию въ пѣшемъ строю; поэтому спеціализація службы казаковъ въ знаніяхъ своихъ специальныхъ гидамъ не будетъ противорѣчить общему духу кавалерійской службы, и въ то же время она совпадаетъ съ природнымъ характеромъ и свойствами казаковъ до такой степени, что для осуществленія этихъ желаній остается только усилить знанія урядниковъ и офицеровъ.

Во всякомъ случаѣ, въ мирное время слѣдуетъ въ полкахъ первой

очереди продолжать серьезныя занятія съ офицерами, выпущенными изъ юнкерскихъ училищъ. основательно знакомя ихъ съ характеромъ нынѣшнихъ требованій отъ кавалеріи посредствомъ чтенія подготовляющихъ къ тому сочиненій, а также частными упражненіями въ глазо-мѣрной съемкѣ, черченіи плановъ, разбивкѣ укрѣпленій и въ военныхъ играхъ.

Строевое и тактическое образованіе.

Я вступилъ въ командованіе 3-й Донской казачьей дивизіей въ то время, когда она была въ матеріальномъ отношеніи вполне организо-вана для боя, а въ строевомъ закончился первый отдѣлъ образованія— развитіе одиночныхъ всадниковъ и дѣйствія малыми сомкнутыми частями.

Опытность, руководившая этой подготовкой, замѣчалась вездѣ: во всей дивизіи, отъ праваго до лѣваго ея фланга, лошади были отлично наскakanы; люди ловко владѣли пикой и саблей, прыгали черезъ барьеры, проскакивали по-суворовски черезъ разомкнутые ряды и батовали коней.

При нѣмъ начались полковыя ученья.

Особенно эффектенъ былъ карьеръ сомкнутой части съ батованіемъ: длинный развернутый фронтъ на короткомъ разстояніи останавливался какъ вкопанный, лошади связывались попарно, подъ надзоромъ всего четырехъ казаковъ со взвода; остальные казаки съ ружьями двигались впередъ, образуя пѣший баталіонъ съ большою силою огня.

Мнѣ кажется, я на будущее время слѣдуетъ удержатъ батованье по двумъ причинамъ: хотя рѣдко, но можетъ встрѣтиться невдалекѣ отъ позиціи такой мѣстный предметъ, который совершенно укроетъ батованныхъ коней отъ непріятельскаго огня, напримѣръ крутой оврагъ, сзади позиціи; въ такомъ случаѣ можно получить при этомъ стрѣль большую массу огня. Въ мирное время батованіе есть отличный маневръ для повѣрки ловкости всадника и степени готовности къ бою его лошади.

Людей нашелъ я бойкими и ловкими. Старая служба была у нихъ еще свѣжа въ памяти; поэтому всѣ эволюціи дѣлали они безошибочно, не смотря на промахи молодыхъ офицеровъ, ими командовавшихъ. Особенно хорошо были организованы и правильно обучены команды для порчи желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ.

О полкахъ 1-й Донской дивизіи я не упоминаю потому, что годъ войны изъ тяжелаго шахрая сдѣлаетъ бойкаго волка, а тѣмъ болѣе изъ полковъ предварительно хорошо организованныхъ и правильно обученныхъ.

Знамя.

Обращаясь затѣмъ къ службѣ чисто боевой, я долженъ, прежде всего остановиться на полковомъ знамени.

Трудно себѣ представить православный казачій полкъ безъ традиціоннаго знамени. Тѣмъ не менѣе, оно даетъ и много заботъ, особенно въ тѣхъ полкахъ, которые начальствуются смѣлыми командирами. Можетъ случиться, что при смѣлыхъ движеніяхъ по закрытой мѣстности, особенно во время тумана или ночью, части кавалерійскія неожиданно окружаются неприятелемъ, какъ, напримѣръ: одна сотня № 18-го полка въ настоящую войну, при второмъ поискѣ къ Базарджыку, по выходѣ изъ д. Герзалы, наткнулась на чересовъ, была ими окружена и одбита остальными сотнями того же полка. Поэтому всякій дальній поискъ сильно озабочиваетъ командира полка относительно сбереженія знамени, и заставляетъ дѣйствовать со сдержанностію. Если къ этому прибавить, что казачьи полки часто и на долгое время разбиваются на части, и обереженіе знамени падаетъ на отвѣтственность небольшихъ остатковъ отъ полковъ; что при сильномъ вліяніи огня выѣшнихъ скорозаряжающихся и дальнобойныхъ ружей и принятой пѣхотою системѣ дѣйствовать разсыпнымъ строемъ, и нашей кавалеріи приходится принимать такой широкій разсыпной строй, при которомъ знамя для большинства всадниковъ пропадаетъ изъ вида и перестаетъ притягивать къ себѣ вниманіе полка—я полагаю, что употребленіе его, какъ принадлежности позиціонныхъ войскъ, въ казачьихъ полкахъ слѣдуетъ ограничить на столько, чтобы оно служило только бивачнымъ «стягомъ» и священнымъ хоругвиемъ, а взамѣнъ его для боя завести сотенные разноцвѣтные значки, по примѣру азіатской кавалеріи, и снабдить особеннымъ большимъ значкомъ командира полка, какъ сигнала для обозначенія общаго соединительнаго пункта.

Бивачъ.

Въ планѣ полковаго бивака замѣчается разбросанность во вредъ какъ обороны его, при нечаянномъ нападеніи, такъ и охраненія внутренней цѣнью часовыхъ. Слѣдовало бы палатку командира полка вынести изъ предназначеннаго ему по плану мѣста и помѣстить сбоку бивака, на линіи офицерскихъ палатокъ, и при ней держать знамя, карауль и денежный ящикъ. Тогда сократится пустое пространство отъ линіи палатокъ строевыхъ чиновъ до палатокъ вестровыхъ.

Такъ какъ казачьи части, болѣе или менѣе удаляемыя отъ главныхъ силъ отряда, для занятія аванпостовъ должны быть всегда готовы къ самооборонѣ, то слѣдуетъ измѣнить порядокъ размѣщенія

обоза и лошадей унтеръ-штаба такимъ образомъ, чтобы непосредственно за коновязями строевыхъ лошадей, отступя на извѣстный интервалъ, шли коновязи обозныхъ; затѣмъ, палатки нестроевыхъ нижнихъ чиновъ и за ними фуры. Тогда при нечаянномъ нападеніи наиболѣе уязвимый фасъ—тылъ бивака, будетъ охраненъ рядомъ телѣгъ, могущихъ играть роль бруствера. При такихъ измѣненіяхъ бивакъ сдѣлается менѣе замѣтнымъ и болѣе способнымъ къ самооборонѣ.

Слѣдуетъ принять за правило: для казаковъ не составлять паролей изъ иностранныхъ словъ, хотя бы и введенныхъ въ нашъ уставъ, напримѣръ слово «*вагенбургъ*». При ночной повѣркѣ мною сдѣланной не нашлось и пятого человѣка, могущаго запомнить или правильно произнести это слово.

Походное движеніе. Производя частые поиски по волнообразнымъ степямъ Добруджи, балки которой очень удобны для укрывательства предприимчивыхъ черкесовъ, полки 2-й бригады приняли слѣдующіе порядки для охраненія колонны отъ нечаянныхъ нападеній ('). Со всѣхъ четырехъ сторонъ ее окружали парными патрулями; одну половину звеньевъ давалъ авангардъ, а другая высылалась изъ аріергарда; такимъ образомъ составлялась подвижная наружная рамка, на углахъ которой при звенѣ ѣхало по одному уряднику. Затѣмъ, отъ головы и хвоста каждой отдѣльной части, входящей въ колонну головнаго отряда, авангарда главныхъ силъ и аріергарда высылались въ бокъ къ сторонѣ наружныхъ патрулей одиночные всадники, которые составляли вторую—внутреннюю рамку, и предназначались для передачи приказаній на походѣ наружнымъ звеньямъ. Такимъ образомъ, отрядъ окружался двумя рамками—наружной, составленной изъ парныхъ звеньевъ, и внутренней, образованной одиночными всадниками. Съ тою же цѣлю скорѣйшей передачи приказаній помѣщалось по парѣ казаковъ въ интервалахъ между всѣми частями колонны. Отъ такого расположенія патрульныхъ звеньевъ колонна получала большую устойчивость; казаки же, входящіе въ составъ наружной рамки, замѣчая связь съ ними колонны чрезъ казаковъ внутренней, смѣло отдаляются въ стороны, освѣщаютъ съ полнымъ спокойствіемъ мѣстность и оцѣниваютъ непріятельскія силы. Отрядъ же получаетъ возможность своевременно приготовиться къ бою.

Лазя. Строй этотъ, присвоенный единственно казаками, имѣетъ слѣ-

(') Къ этому вынуждало еще и неправильное направленіе дорогъ, состоящихъ изъ ряда зигзаговъ, отчего трудно было направлять движеніе патрульныхъ звеньевъ на походѣ при удаленіи ихъ отъ колонны.

дующія слабыя стороны: 1) построение ея замедляется предварительнымъ вызовомъ фланговыхъ урядниковъ для обозначенія крайнихъ предѣловъ; 2) всадники, становясь для атаки на большомъ другъ отъ друга разстояніи и въ одну линію, образуютъ весьма слабый фронтъ, который можетъ быть легко прорванъ непріателемъ, несущимся въ атаку сомкнутымъ фронтомъ въ двѣ шеренги.

Защитники лавы говорятъ, что слабость фронта проявляется только при построении лавы; напротивъ того, при движеніи въ атаку на сомкнутую часть, всадники, двигаясь по радіусамъ къ центру, мало по малу сближаются и образуютъ въ моментъ столкновения часть достаточно плотную. Съ мнѣніемъ этимъ можно бы было согласиться, если бы непріатель принималъ атаку стоя на мѣстѣ; но какъ онъ самъ въ то же время стремительно двигается, то можетъ атаковать въ такомъ положеніи, когда линія лавы недостаточно сплотила свои силы. Не менѣе того, нельзя отвергать въ ней пользу при преслѣдованіи и для охватыванія непріательскаго фронта, когда она примыкаетъ къ флангамъ нашей сомкнутой линіи.

Напротивъ того, принимая во вниманіе качества развернутаго казачьяго фронта, а именно: ту сомкнутость и правильность движеній, до которыхъ они нынѣ доведены; стремительность бѣга казачьихъ лошадей; силу ихъ мускуловъ, могущую потрясти непріательскій строй при столкновении съ нимъ, а также длину казачьихъ пикъ, дающую возможность предупредить прикосновение непріательскаго холоднаго оружія — я полагаю, что атака казаковъ сомкнутымъ строемъ составляетъ неотразимую силу, значительно превосходящую силу столкновения въ порядкѣ лавы.

Къ сожалѣнію, вооруженіе казаковъ не вполне соответствуетъ требованіямъ этого строя, по слѣдующимъ причинамъ: 1) если непріатель принялъ столкновение и примкнулъ къ груди всадника, за тѣснотою мѣсть трудно управлять и наносить въ толпѣ удары длинной казачьей пикой, и 2) если казаку первой шеренги удалось вонзить свое копьё или даже промахнуться, то онъ лишается не только средствъ къ самооборонѣ, но и защиты со стороны всадника второй шеренги, который будетъ находиться еще въ худшемъ положеніи.

Эти слабыя стороны боя на пикахъ были хорошо оцѣнены регулярной кавалеріей, и не смотря на то, что ея пика короче казачьей, второй шеренгѣ предназначено дѣйствіе саблей.

По мнѣнію моему, было бы рациональнѣе и въ казачьихъ полкахъ отмѣнить пики во вторыхъ шеренгахъ; а взамѣнъ ихъ ввести ятаганы-штыки, которые можно бы было примыкать къ винтовкамъ.

При такомъ вооруженіи, обязанность дѣйствовать въ пѣшемъ строѣ можно бы было возложить на людей задней шеренги: вооруженные устойчивымъ и достаточно длиннымъ оружіемъ, люди ея составляющіе, по своей ловкости, и въ рукопашной схваткѣ могли бы съ полною надеждою на успѣхъ состязаться съ непріятельскою пѣхотою.

Затѣмъ, одна половина людей первой шеренги дала бы пикинеровъ, а другая коноводовъ. Пикинеры, кромѣ прикрытія фланговъ могли бы, въ свою очередь, въ случаѣ крайней нужды, опредѣленную уставомъ часть посылать на усиленіе огня боевой линіи или помѣщать ихъ въ резервахъ. Эта часть уже не имѣла бы штыковъ.

При такомъ предположеніи, казачій полкъ, выведенный въ строй по 12 рядовъ во взводахъ, имѣлъ бы:

Въ пѣшемъ строѣ	до 300	человѣкъ.
Пикинеровъ	» 150	»
Коноводовъ	» 150	»

Всего . . . до 600 человѣкъ.

Пикинеры, въ свою очередь, могли бы усилить огонь цѣпи сотнею ружей.

Иванъ Андріановъ.